

Впрочем, до Нового года оставалось порядочно — на дворе стоял лишь двенадцатый лунный месяц, — и Цзин Юньшу недоумевал, зачем понадобилось присылать весточку именно сейчас. Сгорая от любопытства, он распечатал письмо. Оно было написано на изысканной, слегка благоухающей бумаге Юньсю, чрезвычайно популярной в последнее время у столичных щеголей. Сам Цзин Юньшу изящной каллиграфией похвастаться не мог, но сложные традиционные иероглифы разбирал без труда. Послание оказалось коротким: сперва дежурные расспросы о здоровье и уверения, что у неё самой всё благополучно, а в конце — истинная причина. Госпожа Ань просила его вернуться домой пораньше, чтобы встретить праздник вместе.

По правде говоря, характер госпожи Ань никогда не импонировал Юньшу. Излишне мягкая, слабая, но при этом скрытная и склонная к мелким интригам — её призыв вернуться раньше времени наверняка означал, что она что-то замышляет. Цзин Юньшу терпеть не мог, когда его пытались использовать вслепую, но он помнил о долге благодарности перед этой женщиной и когда-то обещал заботиться о ней. К тому же особых дел в поместье у него не оставалось. Почему бы и не поехать раньше?

Цзин Юньшу не любил канителиться. Недолго думая, он слегка толкнул ногой растянувшегося неподалеку Чжун И.

— Сходи к управляющему. Объяви, что в этом году мы уезжаем праздновать в Янчжоу.

Чжун И удивленно приподнял брови. До этого момента хозяин и словом не обмолвился о поездке, так что верный охранник решил, будто они останутся на зиму в Юньане. Видимо, дело действительно было в письме.

— А что с Чэнь Ляном? — спросил Чжун И.

— Прошлый год мы провели здесь, а позапрошлым я оставил его присматривать за старым отцом, — отозвался Юньшу. — Но в нашей усадьбе в Янчжоу без толкового распорядителя вечно всё наперекосяк. Слишком много неудобств. В этот раз заберём его с собой.

Чжун И согласно кивнул, припомнив, сколько неразберихи и курьёзов случилось позапрошлой зимой, когда они с Юньшу только обживали поместье и толком не понимали, как устроено хозяйство. С Чэнь Ляном под рукой действительно будет куда проще.

— Сколько челяди с собой берём?

— Сам реши, — отмахнулся Цзин Юньшу, лениво откидываясь на мягкие подушки кушетки. — Мне недосуг голову этим забивать.

Чжун И лишь покачал головой и на секунду задумался.

— Тогда... возьмём десятерых стражей первого ранга и человек двадцать второго? Сан Се едет с нами? Сколько старших служанок взять? А как быть с куньлуньскими невольниками и девками из Силла?

Охрана поместья полностью лежала на плечах Чжун И, но его главным долгом оставалась личная безопасность Цзин Юньшу, поэтому он держал при себе Сан Се и Чжан Ци в качестве надёжных помощников, способных подстраховать в любой момент.

Цзин Юньшу шутливо пнул верного телохранителя и со смехом возмутился:

— Зачем мне в Янчжоу эти силлаские девки? Хватит издеваться.

Великая империя Чжао, основанная когда-то императрицей У Чжао, унаследовала величие эпох Чжэньгуань и Юнхуэй. Государство процветало, а иноземные послы стекались со всех четырёх сторон света. На оживлённых улицах Чанъаня можно было встретить златовласых и голубоглазых персиянок, темнокожих куньлуньцев с белоснежными зубами и кротких рабынь из далёкого царства Силла, что на Корейском полуострове. В те времена среди знатных господ владение куньлуньскими слугами и силласкими девицами считалось признаком истинного благородства и роскоши. Если в богатом доме не оказывалось хотя бы одного такого диковинного слуги, хозяина могли поднять на смех — такова была капризная мода.

Сам Цзин Юньшу к подобной экзотике дышал ровно и диковиной её не считал. Однако его приятель Мао Юн в былые годы занимался торговлей и объездил полмира. Поговаривали, его корабли доплывали до Персии, Аравии и даже загадочной Японии. Мао Юн знал толк в земных удовольствиях: в его рассказах вечно фигурировали тонкие шёлковые одежды, нефритовые кубки и хмельные пиры в окружении красавиц. Именно он прислал Юньшу трёх темнокожих невольников и двух нежных силланок — просто чтобы потешить самолюбие друга.

Их знакомство с Мао Юном вообще вышло случайным и забавным. В своё время Цзин Юньшу открыл в Янчжоу собственное заведение — Башню Опирающегося Аромата, которая мгновенно переманила к себе львиную долю гостей Мао Юна. Поначалу Юньшу ни о чём не подозревал, но вскоре в заведении начались странности: то гости травились изысканными блюдами, то вино отдавало болотной кислятиной, то разгневанные законные жёны устраивали скандалы прямо у порога. Быстро стало ясно, что кто-то намеренно вставляет палки в колёса. Нити вели напрямиком к весёлому дому Мао Юна.

В любом ремесле есть свои негласные правила. Подобные пакости считались делом низким и грязным; прознай о них гильдия — и на тебя до конца дней смотрели бы с презрением. К тому же бесконечные каверзы утомляли: сегодня ты подставишь конкурента, завтра он отплатит тебе тем же, и этой вражде не будет конца. Обычно соперники предпочитали честное соревнование, но Юньшу зажал беднягу Мао Юна в такие тиски, что у того просто не осталось иного выхода.

Мао Юн ума не мог приложить, где этот юнец набрался таких диковинных идей. Музыкальные партитуры, хореография, подача блюд, редкие сорта вин, даже покрой нарядов прислужниц и

само обхождение с гостями разительно отличались от всего, что предлагали обычные бордели. Мао Юн объездил полсвета, но о некоторых вещах слыхом не слыхивал. А ведь он лично обучал своих певичек и гордо считал свою Башню Опирающегося Аромата лучшим весёлым заведением во всём Янчжоу.

Но Башня Опирающегося Аромата Цзин Юньшу всего за три месяца затмила его заведение. Мао Юн пробовал бороться, но куда там — ни прелестные девы, ни угощения, ни изысканные представления не выдерживали сравнения с новшествами Юньшу. Это злило его до зубового скрежета, но одновременно вызывало дикое восхищение таинственным хозяином Башни. Мао Юн с детства не отличался великими амбициями; ему нравилось окружать себя красивыми вещами, заводить приятные знакомства, пить вино под песни наложниц и рассуждать о том, что поэзия и женская ласка — единственные подлинные радости бытия. И вдруг оказалось, что этот безвестный выскочка смыслит в развлечениях куда больше него. Раздосадованный Мао Юн даже призадумался, не пойти ли ему к конкуренту в ученики.

В конце концов он отчаялся и пустился на мелкие пакости, лишь бы выманить загадочного владельца на откровенный разговор. Вот только кто кого в итоге перехитрил и кто кого поймал на крючок — вопрос оставался открытым.

Юньшу без труда приручил строптивого соперника, предложив ему невиданную доселе сделку — доленое партнёрство. Цзин Юньшу забирал себе роль главного покровителя и держателя дела, а Мао Юна назначал управляющим с правом голоса и долей от общей прибыли.

Такие условия Мао Юна вполне устроили. Он с радостью взялся за работу, а Юньшу почти не вмешивался в его дела, хотя его блестящие идеи продолжали восхищать новоиспечённого партнёра. К примеру, роскошный Сад Су спроектировал именно Цзин Юньшу, набросав общий план, а воплотил его в жизнь уже Мао Юн, вложив в это детище всю душу.

Но если вернуться к силласким девицам, то попасть в их число могла далеко не каждая уроженка Корейского полуострова. Свирепый отбор требовал безупречной внешности — белоснежной кожи и тонких черт лица, из-за чего в старину их уважительно звали «белыми девами Корё». Купцы привозили их в Поднебесную совсем юными, обучали каллиграфии, изысканной речи, придворному этикету, рукоделию и кулинарному искусству. Кроткие, послушные и услужливые, они пользовались огромным спросом у знати. Разумеется, за подобные живые сокровища торговцы ломили баснословные деньги. Когда Мао Юн преподнёс Юньшу такой подарок, тот из чистого любопытства велел привести их. Осмотрев девиц, он не нашёл в них ничего отличного от обычных уроженок срединных земель. Перебросившись с ними парой дежурных фраз, он передал их служанке Чжили, чтобы та определила новеньких на обычную работу.

Подобное пренебрежение роскошной внешностью красавиц со стороны Цзин Юньшу в обществе сочли бы запредельным кощунством. Не зря ведь в народе ходила фривольная поговорка: «Силлаская дева днём хлопочет по дому, а ночью улаживает постель; сладок весенний миг, да жаль — солнце встаёт слишком рано». Само это словосочетание давно приобрело двусмысленный оттенок. Так что Юньшу не без оснований заподозрил, что Чжун И сознательно поддразнивает его.

— Иноземные слуги привлекут слишком много ненужного внимания, — серьёзно произнёс Цзин Юньшу, задумчиво поглаживая ушки своей нефритовой грелки. — В Янчжоу нам шумиха ни к чему. Чем меньше людей, тем спокойнее. Возьми десятерых телохранителей первого ранга, расположимся, как обычно, в Саду Су.

Он не любил суеты и неорганизованности. Решать вопросы переезда наспех, на пару с Чжун И, было делом бестолковым. Немного подумав, он добавил:

— Ступай, позови управляющего.

Вскоре в покои вошёл управляющий, дядюшка Чэнь. Поклонившись хозяину, он замер у дверей, вежливо опустив глаза.

— Господин Цзин, вы звали меня?

Голос Юньшу звучал тихо и ровно:

— В этом году нам придётся выехать в Янчжоу пораньше и встретить праздник там. Я решил взять с собой Чэнь Ляна и Сан Се. Чжан Ци останется присматривать за усадьбой в Юньане. Из служанок поедут Чжили и Чжихуа — в прошлые годы Чжихуа вечно дулась, что я оставляю её дома. За порядком здесь присмотрят Чжиянь и Чжимо.

Он сделал небольшую паузу, прикидывая дальнейшие распоряжения.

— Поместье опустеет, так что слугам, у которых есть семьи, выдай двойное жалованье и отпусти на праздники домой. Те же, кто останется караулить усадьбу, получают выплаты в тройном размере. Но помни старое правило: в первую очередь отпускай тех, кто трудился в прошлый Новый год. Охраны должно остаться не меньше тридцати человек — мало ли что. Тем, кто поедет со мной в Янчжоу, начислим четырехкратное жалованье. С нами отправится кухарка, а её помощницу, Чжэнь-нянь, оставь здесь, пусть помогает тебе по хозяйству. Остальное — по заведённому порядку. Открой амбары и раздай зерно: каждому нашему слуге выдели по две меры риса, а крестьянам-арендаторам отсыпь по одной мере на душу. Пусть у всех будет сытный праздник.

Вспомнив, как заливалась краской Чжихуа при одном упоминании Чэнь Ляна, Цзин Юньшу мягко улыбнулся:

— И ещё кое-что. Хотел узнать твоё мнение по одному деликатному вопросу. Что думаешь о ладах между Чжихуа и твоим сыном, Чэнь Ляном?

Дядюшка Чэнь от неожиданности растерялся, и суровое, сосредоточенное выражение его лица мгновенно сменилось растерянной улыбкой.

Заметив это, Юньшу продолжил:

— Я вижу, что они искренне привязаны друг к другу. Такое чувство — редкость в наши дни. Чэнь Ляну я в будущем планирую доверить важные дела, а Чжихуа — девушка честная, работающая и с добрым, открытым сердцем. Хотя я ей и хозяин, но ты — отец Чэнь Ляна. Так что последнее слово за тобой: благословишь ли ты их союз?

Старик закивал так часто, словно боялся, что хозяин передумает:

— Благословлю, господин, ещё как благословлю! Чжихуа — чудесная девушка, и то, что она согласна пойти за моего оболтуса, для него великая честь. У меня и мысли против не было!

Цзин Юньшу удовлетворенно кивнул:

— Вот и славно. У Чжихуа не осталось родни, но она очень дружна с нашей кухаркой. Было бы славно, если бы кухарка назвала её своей приемной дочерью. Тогда перед свадьбой ни у кого не возникнет лишних вопросов о её происхождении. Старшая служанка из моего дома должна выйти замуж с почётом и достоинством, чтобы всё было чин по чину. Так они с Чэнь Ляном смогут сыграть свадьбу без косых взглядов.

У дядюшки Чэня от радости перехватило дыхание, он низко поклонился:

— Ваша забота не знает границ, господин. Спасибо вам.

Разговор о скорой свадьбе растопил обычную суровость в комнате, и даже на лице молчаливого Чжун И скользнула искренняя, тёплая улыбка.

<http://bllate.org/book/18296/1758668>